

— Вот основные правила, — миссис Томпсон говорила на ходу, даже не оборачиваясь. — Если придёт гость, вы обязаны немедленно сообщить об этом господину Дмитрию. Самостоятельно никого не впускать и не заговаривать с визитёрами. Вы уже осмотрели дом, так что теперь пойдём в сад... — она резко обернулась и нахмурилась. — Почвы вы топаете, как слон? Быстрее!

Луис поспешно засеменял следом, приподнимая длинную юбку обеими руками, чтобы не наступить на подол. Но это не спасло его от очередного замечания.

— Боже, — миссис Томпсон остановилась и окинула его ноги уничтожающим взглядом. — Ваши туфли. Они грязные. Совершенно непозволительно для работы в этом доме. Сегодня вечером я выдам вам новые, а завтра извольте явиться в них с утра. — Её взгляд поднялся выше, и она поморщилась. — И поправьте шляпку. Она съехала набок. Граф терпеть не может неряшливость в одежде прислуги.

— Простите... — выдавил Луис, чувствуя, как горят щёки.

— Не знаю, к чему вы привыкли на прежнем месте, — в голосе экономки зазвенел металл, — но здесь существуют правила и нормы. Имейте это в виду с этой минуты.

Резкие слова миссис Томпсон заставили сердце Луиса сжаться. Похоже, она поняла, что рекомендательное письмо Берка было поддельным.

«Зачем же они меня наняли? — лихорадочно размышлял Луис, следуя за ней. — Если они знают, что письмо фальшивое... Что им от меня нужно?»

Он пришёл сюда, готовый обманывать, чтобы выполнять поручение Берка, рыскать в поисках сокровищ, притворяясь тем, кем не являлся. Но теперь, под этим ледяным, испытующим взглядом, он чувствовал себя не охотником, а загнанной дичью.

«Правильно ли я сделал, что пришёл? — тоскливо пульсировало в голове. — Я не справлюсь. Ни с ролью горничной, ни с заданием Берка. Я просто... не могу.»

Погружённый в свои невесёлые мысли, Луис не сразу заметил, что взгляд экономки остановился на его руках.

— А это что за одежда? — её бровь подозрительно приподнялась. — Вы принесли с собой какие-то вещи?

— Ах, это... — Луис машинально прижал плащ к груди. — Это... это граф мне дал.

— Граф? — в голосе миссис Томпсон мелькнуло неподдельное изумление, смешанное с недоверием.

Она уже открыла рот, чтобы продолжить расспросы, но в этот момент из глубины сада донёсся чистый, мелодичный перезвон колокольчиков. Миссис Томпсон мгновенно выпрямилась, её лицо приобрело официальное выражение.

— Кажется, граф вернулся, — отчеканила она, тут же забыв о плаще. — Для начала следует встретить его.

При упоминании о приезде Эллиота сердце Луиса заколотилось в груди от непонятных эмоций. Воспоминание о холодном взгляде графа заставило его занервничать, и он задумался, помнит ли его граф.

«Он, наверное, уже забыл обо мне, да?.. Нет. Но, может быть, плащ ему напомнит».

Луис еще крепче сжал в руках плащ. Прошлой ночью, ворочаясь с боку на бок от мысли о том, что он окажется в незнакомом месте, он мысленно репетировал, что хотел сказать графу.

«Благодарю вас за вашу доброту... за помощь... И я рад возможности вернуть вашу вещь».

Это было простое заявление, но одна только мысль о встрече с графом повергла его в ступор. Внезапно оживившаяся атмосфера в доме также вывела его из равновесия.

Служанки, каждая занимавшаяся своими делами, тоже услышали звон колокола и начали собираться у входа. По-видимому, существовало правило, согласно которому все они приветствовали графа по его возвращении домой.

— Чего вы ждёте? — миссис Томпсон бросила на него резкий взгляд. — Живо за мной!

Луис рванул следом, но ноги его слушались плохо — они казались ватными и чужими. Одна за другой служанки выстраивались в две шеренги у входа, замирая в почтительных позах. За тяжёлой дубовой дверью слышались шаги — чёткие, неспешные, отдающиеся эхом где-то в самой груди Луиса.

Он поспешил, нервно оглядываясь в поисках свободного места. Нужно было встать в самый конец, затеряться среди других...

— Добро пожаловать домой, граф.

Голос Дмитрия прозвучал торжественно и гулко в тот самый миг, когда дверь начала открываться. Все присутствующие склонились в унисон.

Луис, лихорадочно пытаясь к концу шеренги, не заметил коварного стыка между гладким паркетом и пушистым краем ковра. Его нога в непривычной туфельке наткнулась на мягкое препятствие, он потерял равновесие и, взмахнув руками, полетел вперёд — прямо в центр образовавшегося прохода.

Плащ выскользнул из ослабевших пальцев и упал на пол, расстелившись у ног Луиса.

— Ой!.. — жалкий вскрик вырвался у него прежде, чем он успел его подавить.

Луис взмахнул руками, тщетно пытаясь ухватиться за воздух, и с глухим стуком рухнул на пол, больно ударившись ладонями.

Его жалкое восклицание положило начало неловкому молчанию. Тишина была оглушительной. Луис, замерев на четвереньках, чувствовал кожей, как десятки глаз впиваются в его спину. Кто-то из служанок, кажется, всхлипнул, отчаянно сдерживая смех. Миссис Томпсон побелела так, что даже её обычно поджатые губы стали одного цвета с лицом.

Владелец особняка, Граф Эллиот Сеймур Гладстон даже не повернул головы. Он плавным движением снял пальто и, будто Луиса не существовало вовсе, передал его ожидающему Дмитрию. Взгляд его скользнул поверх распростёртой фигуры, не задержавшись ни на

мгновение.

— Что это за запах? — голос графа звучал недовольно. Он нахмурился, приплюсываясь, и его тонкие ноздри едва заметно дрогнули. — Кто принёс в дом лишние цветы? Уберите.

Его действия заставили Луиса досмерти перепугаться. Он лихорадочно, насколько позволяла его парализованная поза, попытался прислушаться к себе — не вырвался ли наружу его собственный, тщательно скрываемый запах? Но нет, всё было как обычно: травы, которые дала ему мать, работали безупречно.

— Ничего не изменилось, господин, — миссис Томпсон заговорила примирительно, но в её голосе явственно слышалась нервозность. — Возможно, дверь на кухню была открыта...

— Это не кухонная вонь, — отрезал Эллиот, и его лицо исказила тень брезгливости. — Дмитрий, ты чувствуешь?

— Я... не уверен, милорд, но...

Граф сделал несколько медленных, глубоких вдохов, и Луис, замерев, боялся даже дышать. Ему казалось, что каждое движение воздуха сейчас выдаст его с головой.

Наконец, словно только сейчас заметив нечто, находящееся непосредственно перед ним, взгляд Эллиота медленно опустился вниз — на съёжившуюся фигуру в нелепой форме горничной, распластанную у его ног.

В этом взгляде не было ни узнавания, ни интереса. Только отстранённое, почти скучающее недоумение.

— ...Что это? — в его голосе звучало безразличие и едва уловимое раздражение, словно он наткнулся на ненужный предмет.

Луис отчаянно попытался вскочить, но его тело, обессиленное от страха и неловкости, будто налилось свинцом. Он так и остался сидеть на полу, чувствуя, как краска стыда заливает не только щёки, но и уши, и даже длинную шею, предательски розовеющую над воротником формы.

— Я... я ваш новый сотрудник... С сегодняшнего дня... — выдавил он, глядя куда-то в район графских ботинок.

— Хм.

Эллиот издал сухой, ничего не выражающий звук. Ни тени узнавания не мелькнуло в его холодных глазах. Он уже перевёл взгляд на Дмитрия, словно Луис был не более чем пятном на полу, которое скоро ототрут.

— Почта в кабинете?

— Да, милорд. Подготовлена, как обычно, — Дмитрий склонил голову.

И граф шагнул вперёд.

Он перешагнул через Луиса, даже не взглянув вниз. Его начищенная туфля наступила на край плаща, приминая дорожную ткань, оставляя на ней невидимый, но от того не менее унижительный след. Эллиот прошёл мимо, унося с собой запах морозной свежести и власти,

оставляя после себя лишь гулкую тишину.

Только когда шаги затихли в глубине коридора, Луис нашёл в себе силы подняться на дрожащие ноги. Он обернулся, провожая взглядом удаляющуюся фигуру.

Спина графа была безупречно прямой. Широкие плечи, золотистые волосы, уложенные с идеальной небрежностью — даже со спины он оставался таким же величественным, как мраморное изваяние в лунном свете. Таким же далёким. Таким же недосыгаемым.

Луис опустил глаза на плащ. Ткань хранила слабый отпечаток подошвы. Он протянул руку, провёл по этому месту ладонью, но след не исчез. Он словно отпечатался не на материи, а где-то глубже — прямо в груди, там, где предательски сжималось сердце.

Он не помнит, — подумал Луис, и эта мысль обожгла холодом. Или делает вид? Нет, конечно, не помнит. Зачем ему помнить какого-то...

— Долго ты ещё собираешься стоять столбом? — резкий голос миссис Томпсон вырвал его из оцепенения. Она стояла рядом, неодобрительно поджав губы. — У всех работа, а ты тут размышлялся!

Луис вздрогнул и огляделся. Служанки уже разошлись по своим местам и теперь хлопотали по всему холлу: одни яростно натирали перила лестницы до зеркального блеска, другие смахивали пыль с тяжёлых портьер, третьи орудовали щётками на подоконниках. Благодаря их умелым и старательным рукам особняк постепенно сбрасывал с себя налёт запустения, вновь обретая былое величие.

Луис вспомнил слова матери, которые она часто повторяла в минуты отчаяния: «Луи, за какую бы работу ты ни взялся — делай её хорошо. Это не всегда приносит плоды, но если ты будешь относиться к делу спустя рукава, то потом будешь жалеть. А жалеть — это самое горькое, сынок».

Он крепко сжал губы и расправил плечи. Да, он пришёл сюда с тёмными намерениями. Да, он обманщик и шпион. Но пока он здесь... может, он сможет сделать хоть что-то полезное? Может, его руки, привыкшие к щётке и ваксе, здесь тоже пригодятся?

— Хорошо, — прошептал он одними губами. — Буду просто работать. Как следует.

Он осторожно поднял плащ, стряхнул с него пыль и, бережно сложив, сунул подальше в уголок, чтобы никто не заметил.

И правда, пусть лучше граф меня не узнает. Так будет проще. Для всех.

<http://bllate.org/book/15007/1500629>